

ТРИ НАРРАТИВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Г. Л. Тульчинский

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Россия, 236016, Калининград, ул. А. Невского, 14

Современная политическая наука сталкивается с существенными вызовами в методологии, позиционировании и дисциплинарном воспроизводстве. Практически все эти вызовы (как интерналистские, так и экстерналистские) обусловлены редукцией методологии политической науки к позитивистской парадигме. Примеры концептов политической культуры, демократического транзита, гибридных режимов, постсекулярности, политической воли демонстрируют издержки позитивистской парадигмы. Издержки такого доминирования позитивистской методологической ориентации в политологии выражаются как в сведении научного объяснения к оценочной категоризации, так и в *элиминации из предмета рассмотрения собственно политического субъекта и его воли*. Ответы на эти вызовы предполагают систематизацию междисциплинарной нарративности политического знания. Необходимо расширить методологический горизонт анализа политической реальности. Такое расширение возможно на основе междисциплинарного подхода, который уточняется в данной работе как фиксация и раскрытие полинарративного содержания политического знания. Раскрыта перспективность объяснений динамики политической реальности через процедуру (алгоритм, технологию) порождения феномена, или концепта, с помощью нарративов, соответствующих формулировке фактологии, теоретических конструктов и целей анализа политической реальности. В свою очередь, история процедуры порождения, учет конкретной игры конкретных социальных сил раскрывают индивидуальную природу политических феноменов. В этой связи становится ясной ключевая роль для современной политологии именно обоснованности преследуемых целей, проблемной ориентированности, т. е. «целесообразности» самой планируемой или осуществляемой деятельности. Критерий научности — не в методах, а в решении проблемы, что гарантируется адекватностью используемых методов. Предлагаемый подход открывает новые возможности анализа и объяснения динамики развития политических процессов, роли в них конкретных политических сил, социально-культурных и личностных факторов.

---

* Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (№18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Ключевые слова: конструктивизм, междисциплинарность, нарративы, позитивизм, политическая наука.

В политических исследованиях широко и успешно используется различный инструментарий — концептуальный и аналитический аппарат, — сформированный и развитый в социально-гуманитарных дисциплинах, точных науках, естествознании. Экономика, география, история, социология, психология, семиотика — этот ряд можно продолжать и продолжать, так же, как и выработанные в этих дисциплинах подходы, методы обработки статистических данных, анализа текстов, проведения опросов, интервью и т. д. — весь этот исследовательский инструментарий прочно вошел в практику политических аналитик, интерпретации получаемых результатов. Фактически политология выступает как активно развивающийся междисциплинарный комплекс. Поэтому, наверное, не утихают споры о возможности (или тем более — необходимости) выработки неких обобщающих парадигм, претендующих на статус основания политического знания.

Ни в коей мере не претендуя на такое обобщение, в данной работе автор обращает внимание, во-первых, на вызовы, с которыми сталкиваются политические аналитики и экспертизы — как в исследовательской практике, так и социальном позиционировании, и, во-вторых — на некоторые возможности конструктивного ответа на эти вызовы. Данная работа продолжает и развивает ряд ранее сформулированных идей и результатов (Тульчинский, 2014а; Тульчинский, 2017).

ИНТЕРНАЛИСТСКИЕ И ЭКСТЕРНАЛИСТСКИЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Речь идет о проблемах статуса политического знания на основных институциональных уровнях его дисциплинарности: как в самой политической науке, так и в связи с ее социальным позиционированием и воспроизводством в системе образования.

В рефлексии самих исследователей политической реальности на совершенно разном материале, исходя из совершенно разных посылок давно отмечается квалификация теоретико-методологической ситуации в современной политической науке как весьма неоднозначной. Это проявляется не только в недовольстве раздробленностью школ и направлений, привязанных к определенным методикам исследований, определяющим их предметное содержание. Эта продолжающаяся дивергенция ведет к формированию самостоятельных «теоретических рамок», резкому неприятию иных точек зрения и подходов, трате времени и сил на борьбу за «чистоту рядов».

Конкуренцию подходов и концепций в науке никто не отменял, и ее можно было бы только приветствовать, если бы отмеченная дивергенция позволяла преодолевать слабости прогностики на макро- и микроуровнях анализа. Так, формирование качественно новой социально-культурной и политической ситуации с начала 1990-х годов (крах мировой социалистической системы, распад СССР, развитие электронных средств массовой коммуникации, экспансия

цифровизации на все сферы социальной жизни, всплеск национализма и религиозного фундаментализма в странах с традиционной либеральной демократией, активизация международного терроризма, многоуровневой хорроризации общества — этот перечень можно продолжить) стало существенным вызовом для традиционных политологических парадигм, которые оказались не в состоянии предсказать произошедшие перемены, объяснить их причины и характер (Хедлунд, 2015). Содержательные дискуссии в политологии относительно последствий глобализации, эрозии суверенитета, нарастания сецессионного тренда, мультикультурализма, изменений в морали и праве в связи с достижениями биотехнологий и проч. потребовали кардинального пересмотра многих устоявшихся научных категорий и представлений, поскольку ход событий поставил в тупик практически все существовавшие парадигмы. Провозглашенное Ф. Фукуямой еще в конце 1980-х годов торжество либеральной демократии отложилось на неопределенный срок. А в реальных демократиях стали накапливаться кризисные явления. Серьезной критике подверглась линейная модель развития общества с аттрактором либеральной демократии.

Наиболее полно рефлексия сложившейся «интерналистской» проблемной ситуации выражена в известных обстоятельных работах авторитетных в политологическом кругу авторов (Норт, 2010; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Шапиро, 2011; Хабермас, 2011; Acemoglu, Robinson, 2011), которых принято цитировать, включать в библиографии политологических работ. Однако создается впечатление, что выраженная в них тревожная суть тщательно обходится и даже избегается. Показательно, что дискуссия о профессионализме в политической науке, развернутая на сайте РАПН, не пошла дальше обсуждения предметных полей политической науки и нравственно-идеологического самоопределения исследователя (Дискуссия..., 2013–2018). Справедливости ради стоит отметить, что проблема эта характерна далеко не только для отечественной политологии, а носит общедисциплинарный характер. Не случайно один из гуру американской политической науки квалифицирует ситуацию именно как «бегство от реальности» (Шапиро, 2011).

Интерналистские (внутренние) проблемы сочетаются с внешними, экстерналистскими, а точнее — продолжают в них. Речь идет об особенностях социального позиционирования политической науки, организационно-экономического и политического контекста и условий ее развития. Обозначенная выше интерналистская симптоматика сказывается на востребованности политических исследований, которым все более отводится роль иллюстраций, а то и апологетики принятых политических решений или критической публицистики. Тогда как центры выработки и принятия решений все большее предпочтение отдают разработкам технологий — от биополитических до символическо-медийных, маркетинговых, — дающих возможности реального влияния на политические процессы, их прямой организации. Вопрос о характере и специфике «научности» политологии имеет значение не только в публицистике, где политология и политологи, по крайней мере — отечественные, уже стали притчей во языцех. Государственное финансирование, грантовая поддержка политологических исследований (как, впрочем, и общественных наук в целом) сталкива-

ются с трудностями оценки результатов этих исследований, их достоверности, новизны, практического значения. Как отметил по этому поводу в одном из интервью замминистра образования и науки РФ: «У нас есть ученые, но нет науки» (Замминистра..., 2016).

Наконец, проблема научности политического знания выражается в сфере, обеспечивающей воспроизводство дисциплины, т. е. в сфере университетского образования. На конференциях, заседаниях академических советов периодически возникают споры о соотношении политических исследований и политических технологий, политического анализа и проектной деятельности, критериях их оценки, их доле в учебных планах. Чему и как учить студентов в бакалавриате и магистратуре? На что нацеливать и как оценивать их курсовые и выпускные работы? К этому непосредственно примыкает и проблема оценки диссертационных (кандидатских и докторских) исследований (Тульчинский, 2017).

Тем самым так или иначе, но круг замыкается, и внутренние проблемы науки (концептуально-методологические и образовательные) смыкаются с внешними. Интерналистское содержание вызовов оказывается неотрывным от экстерналистского, и наоборот. Представляется, что выход из этого замкнутого круга (или даже «ленты Мёбиуса») — в рассмотрении собственно научного продукта — знания, вырабатываемого политической наукой, с которым она выходит в социум.

ПОЗИТИВИСТСКАЯ ДОМИНАНТА И ЕЕ ИЗДЕРЖКИ

В настоящее время сложилось доминирующее представление о политической науке как исследованиях политических явлений и процессов с опорой на эмпирические данные, обрабатываемые качественными и количественными методами, что позволяет строить индуктивные обобщения, а также аргументированно представлять следствия из этих обобщений. При этом ключевым моментом объяснения оказывается подведение предмета рассмотрения под некий общий концепт (категорию): как на стадии определения предметной области, так и на стадии формулировки итогов проведенного анализа. Главным становится возможность операционализации качеств (свойств), задающих содержание данного концепта, без чего исследование не может обратиться к таким процедурам, как наблюдение, измерение, что лишает исследование эмпирического содержания.

Речь идет о классической модели научного знания, выработанной поздним позитивизмом (логическим эмпиризмом). Наиболее четко она была представлена в конце 1930-х — начале 1940-х годов К. Гемпелем (Hempel, 2000), согласно которому научное знание представляет собой систему из двух языковых систем: описаний фактов и теоретических непротиворечивых моделей. С помощью операционализаций можно от фактов перейти (подняться) к теории, с помощью логических операций вывести некоторые следствия и затем с помощью верифицирующих (или фальсифицирующих) наблюдений снова перейти к языку эмпирических описаний.

На этой модели гипотетико-дедуктивного метода построена вся позитивистская методология, включая фальсификационизм К. Поппера. Она достаточно ясно представляет не только процедуры объяснения, но и прогнозирования. А по мере накопления данных и применения правил индукции позволяет говорить о выявлении причинно-следственных связей. При этом термины и положения, которые невозможно операционализировать, верифицировать или фальсифицировать, оказываются ненаучными и могут быть отнесены к области мифологии, метафизики, метафор или просто фантазий. В этом плане понятно, чем позитивистская модель привлекательна для политической науки: опорой на эмпирическое знание, количественные методы, дающие возможность обработки эмпирических данных, прослеживания зависимостей между ними, возможность предлагать различные модели, формулировать гипотезы, их верифицировать или фальсифицировать. Другими словами, это привлекательность дизайна, хорошо зарекомендовавшего себя в естественных и точных науках. Более того, эта парадигма была успешно применена во второй половине XX столетия социальными и экономическими науками, придав им возможности объяснения и прогнозирования процессов, происходящих в обществе.

Именно привлекательность методов, выработанных в экономической социологии маргиналистского толка (в духе трактовки поведения как результата «рационального выбора» — возможности максимизации достижения цели с минимальными издержками), и определила привлекательность и доминирование позитивистской парадигмы в политической социологии и политической науке в целом. При этом объяснение политической деятельности сводится к подведению частного факта под некое общее суждение, фактически — к распознаванию в неизвестном уже известного, в лучшем случае — достраиванию некоего предзаданного паззла. В этой связи сама методологическая аксиоматика позитивистской парадигмы представляет собой определенные ценностно-смысловые образы, предпосылаемые любому исследованию. Так, «эмпирика» предполагает определенные представления, консенсус относительно того, что есть «факт». Без такого интерпретационного фона ни верификация, ни фальсификация данных оказываются невозможны. Сама «теоретическая рамка», задающая такие представления о реальности, уже зависит от используемого метода (Тульчинский, 2017).

Можно привести несколько примеров последствий (издержек) доминирования позитивистской парадигмы.

Политическая культура. До сих пор среди исследователей и в учебных программах остается популярной предложенная в 1963 г. Г. Алмондом и С. Вербой типология политических (гражданских) культур, разработанная на основе анализа политических систем Великобритании, Италии, Мексики, США и ФРГ (Almond G., Verba, 1989). Это три чистых типа — приходская (parochial culture), подданническая (subject culture) и участническая (participant culture) политические культуры, а также их комбинации.

Данная типология неоднократно подвергалась критике, прежде всего за ее отчетливо оценочный характер с позиций зрелых либеральных демократий. Кроме того, в ее основе лежит понимание культуры как системы ценностных

поведенческих ориентаций, не затрагивающее факторы порождения таких ориентаций. Наконец, авторы просто не учитывали различные исторические и общекультурные традиции, что приводило к парадоксальным выводам, типа отнесения политической культуры СССР к одному кластеру с США и Соединенным Королевством в силу активности граждан на выборах.

Однако эта типология позволяет на основе операционализации свойств, задающих типы, строить исследования степеней их проявленности в различных социумах, различных явлений, связанных с политической культурой. Такие исследования если и объясняют что-либо, то только в рамках указанной типологии, измерения соответствующих параметров — не более. Политическая реальность редуцируется к параметрам типологии, фактически констатируя степень принадлежности явления категориальному аппарату, оценочному по своей сути, и продолжая в теории представления об этой реальности более чем полувекковой давности.

Демократический трансфер (транзит). Данная категория была введена для объяснения процессов в широком круге государств, возникших после распада колониальной системы, а затем — социалистического лагеря и СССР (Даймонд, 1993; Кузнецов, 2000; Шмиттер, 2013). Предполагалось, что динамика политических процессов в этих странах объясняется разной скоростью формирования политических институтов, свойственных странам «развитых демократий» (Хантингтон, 2003). Однако несмотря на ожидания и прогнозы, процесс этот не принял общего характера. Более того, в некоторых странах динамика приобрела в разной степени обратный характер. А некоторые даже добились успешного развития либо в рамках такого обратного тренда (Сингапур, Малайзия, Индонезия, Арабские эмираты, Китай, Вьетнам), либо следуя этому тренду на ключевом этапе модернизации (Чили, Тайвань, Корея).

Гибридные режимы. Эта категория приобрела популярность именно в контексте неудач «демократического трансфера» — как объяснение этих неудач. Такие неудачи (опять же — оценочно) квалифицируются как «псевдодемократии», «авторитарные демократии» (Саква, 1997), «дефектные демократии» (Меркель, Круассан, 2002; Merkel, 2004), «демократуры» (O'Donnell G., Schmitter, 1986). В принципе абсолютно любые политические режимы могут пониматься как «гибридные» — сочетающие в себе в различной степени характеристики демократических и авторитарных режимов. Однако в данном случае речь шла именно о режимах, не давших отчетливо выраженного «демократического трансфера» или ему противопоставляемых.

Неопатримониализм. Понятие, также выросшее на материале постколониального развития государственных институтов в странах Латинской Америки и Африки, впоследствии примененное к объяснению процессов, происходящих в постсоветских странах (Bratton, van der Walle, 1994; Fisun, 2012). Во всех этих случаях использовались также оценочные категории, операционализируемые в измеряемых характеристиках. Явления, которые не укладывались в эти рамки, характеризовались как отклонения, «вывихи» с вытекающими отсюда соответствующими рекомендациями по корректировке реальности. Попытки же реализации таких корректировок, где они предпринимались, приводили к пе-

чальным последствиям. Именно это породило апелляцию к некой определяющей роли «менталитета», «колеи», т. е. якобы необъяснимых, полумистических, неизменных по своей сути факторов, роковым образом предопределяющих судьбу некоторых народов. Показательно, что эти факторы связаны с культурой, общественным сознанием — явлениями, принципиально игнорируемыми концепциями, восходящими к экономическому маргинализму.

Мощным вызовом для политической теории позитивистской традиции стал феномен *исламского радикализма*. Ситуацию обостряли вопиющие факты: идеологами и лидерами экстремистских практик оказались люди, хорошо знакомые с западным образом жизни, получившие образование в престижных университетах, зачастую даже имеющие европейское гражданство. Предлагаемые объяснения строились и, к сожалению, до сих пор строятся без понимания природы возникновения и динамики самого явления. Носители и сторонники такой идеологии (в силу необъяснимости) квалифицируются как недостаточно социализированные девианты, идеологические противники, фанатики. Далее следуют рекомендации по борьбе с этими отклонениями: от установления в исламских странах политических институтов стандарта либеральных демократий, соблюдения прав человека — до превентивных полицейских мер к потенциальным носителям идеологии. И не трудно понять, даже увидеть, к каким последствиям ведет следование таким рекомендациям, фактически порождающее систему с положительной обратной связью, ведущую к нарастанию степени и масштаба конфликтности.

И позитивистская политология просто замолкает перед феноменом *пост-секулярности*.

Однако главной издержкой доминирования позитивистской методологической ориентации в политологии является даже не столько оценочная категоризация, сколько *элиминация собственно политического субъекта и его воли*. Применительно к политической реальности нужно отдавать себе отчет в том, она есть поле и результат взаимодействия, конкуренции, конфликтов, компромиссов различных акторов, политических и социальных сил — как внутри социума, так и внешних. И каждый из таких акторов располагает какими-то ресурсами, имеет намерения, цели, планы и проекты, организует и координирует какие-то действия, кампании. Только такие замыслы редко реализуются полностью. Чаще в итоге получается равнодействующая этих усилий — с учетом их возможностей, ресурсов, обстоятельств. Именно это имеется в виду, когда историю понимают, как «равнодействующую волю» (Л. Н. Толстой, Ф. Энгельс). Но, тем не менее, при желании всегда можно обнаружить чей-то след: за любым фактом, событием можно проследить мотивационную цепочку, некий замысел некоего актора или ряда акторов, строящихся и реализуемых планов. Зачастую такие акторы, их цели, возможности, да и получаемые результаты (в соотношении с намерениями) во многом оказываются продуктами концептуализаций, реконструкций, интерпретаций, дискурсивных практик. Это в свою очередь порождает новые конфликты, столкновения, «смысловые войны» («кто кого переинтерпретирует»).

Поскольку история — и политика как ее часть — опыт воплощения различных волей, стремлений, намерений, постольку она принципиально не может быть редуцирована к science — наблюдениям, описаниям и установлению каузальности. Предмет политики — идеи, проекты и технологии. Поэтому ее методология — интерпретации не только в виде параметрических моделей, но как реконструкции опыта, породившего определенный результат, включая стремления, возможности, противостояния и т. п. (Тульчинский, 2017).

Именно это обстоятельство образует исходный посыл неoinституционализма Д. Норта, его критики подходов, ограничивающихся моделями (включая теорию игр) и измерениями как синхроническими, не способными объяснять развитие, динамику процессов: давая описания ситуаций и работы систем, они не могут описать механизмы их эволюции (In the Shadow..., 2013, p. 3–5; Норт, Уоллис, Вайнгайт, с. 34; Норт, 1997, с. 32, 167–169) Отсюда же и принципиальная для него идея интенциональности политико-экономического развития, важности факторов, снижающих неопределенность (мнения, мифы, убеждения, когнитивные факторы, обучение, бессознательное), задающих паттерны объяснения и решений (Норт, 1997, с. 175; Норт, 2010, с. 42–63 и далее)

Интенциональность социальных процессов принципиальна и изначально в формировании институтов, именно она лежит в основании логики этого формирования: ресурсы — убеждения, знания — культуры — институты (неформальные и формальные) — организации — государство. Эту главную идею Д. Норта зачастую не понимают или не хотят понимать: не институты порождают убеждения, а наоборот (Норт, 2010, с. 77). Другими словами, схема институционализации подобна схеме реализации мотивационного механизма: ресурсы (организационные, материальные, финансовые) — могу/не могу — убеждения (представления, цели как образы желаемого будущего, знание нежелаемого настоящего = хочу / не хочу) — решения — результаты. И этот процесс нелинейный: решения тоже включают в себя определенную конфигурацию структурирования ресурсов.

В этом плане политическая наука учит, но не как физика или химия, а как любой социально-культурный опыт. Она раскрывает мотивации, которые суть качества диспозиционные, не столько причина, сколько интерпретация. И при некотором интеллектуальном усилии всегда можно найти еще более глубокое истолкование.

ОПЫТ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ XX В. : «ПОСТПОЗИТИВИЗМ» КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ

В этой связи представляется весьма поучительным опыт философии и методологии науки прошлого столетия, выработанный на материале методологической рефлексии оснований естествознания и точных наук. Стоит хотя бы бегло обозначить этот опыт — хотя бы для того, чтоб понять, что методологическая рефлексия в политологии открывает для себя почти тот же класс проблем и способов их решения.

Прежде всего стоит вспомнить кризис в основаниях математики, выявивший противоречивость «наивной» теории множеств, основанной на абстракции актуальной бесконечности, а также выявление принципиальной неполноты любой аксиоматики. Методологическая рефлексия задала два вектора разрешения этих фундаментальных проблем. Во-первых, породила необходимость различения уровней языка («объектного» языка), на котором даются описания предметной области, и метаязыка, на котором строятся рассуждения об истинности этих описаний и утверждений. А во-вторых, открыла перспективу конструктивному подходу (интуиционизм, конструктивизм, рекурсивный анализ), в котором знание предстает процедурой порождения (алгоритмом) соответствующих объектов и моделей.

Практически одновременно в квантовой механике и физике субатомных процессов были сформулированы соотношение неопределенностей В. Гейзенберга и, как его обобщение, принцип дополнительности Н. Бора, согласно которым представления о физических сущностях зависят от используемых в эксперименте приборов, а также от используемого языка описания. А полнота описания будет зависеть от многообразия используемых экспериментальных и теоретических средств.

Уже это поколебало претензии доминировавшего в естествознании позитивизма. Тем более что в рамках его последней фазы — логического эмпиризма, была выявлена принципиально неустранимая «теоретическая нагруженность» любого языка эмпирических описаний. Более того, была выявлена социально-культурная и политико-экономическая зависимость познавательных процедур в физике, химии, биологии (Кун, 1977; Тулмин, 1978; Фейерабенд, 2010). Появились даже феноменологические и герменевтические модели естествознания. В ряде работ (Полани, 1977; Холтон, 1981) была убедительно продемонстрирована роль личностного фактора в формировании и развитии знания.

Проведенное рассмотрение (Тульчинский, 2017) достаточно наглядно показывает общность методологических проблем естествознания второй половины XX в. и тех же проблем в современных политических и других общественных науках, включая авангард позитивистски ориентированной экономики (Анкерсмит, 2014; Кламер, 2015; Макклоски, 2015). В этой связи может показаться удивительным, что (и как) социально-гуманитарное знание цепляется за методологические установки, уже преодоленные в естественных и точных науках. Однако то, что политические науки только к началу нынешнего столетия дозрели до глубокой методологической рефлексии своих оснований, ни в коей мере не является упреком. Для этого имеется ряд вполне понятных обстоятельств. Это и временной лаг, необходимый для рецепции естественно-научного и точного знания, реализуемой гуманитариями опосредованно через систему образования и популяризации, и долгая инерция полученного в начале XX в. социальными науками позитивистского по сути импульса на развитие эмпирической базы и освоение количественных методов, придававших этим молодым наукам статус научности.

Уже в 1980-х годах в политических науках стала формироваться реакция на позитивистские установки — «постпозитивистская» парадигма, представ-

ляющая собой широкий спектр подходов вроде неомарксизма, феминизма, постструктурализма, «критической школы». Пожалуй, в качестве крайних (границных) проявлений этого спектра выступают аморфный и эклектичный постмодернизм, с одной стороны, и довольно зрелый, претендующий на некую целостность социальный конструктивизм — с другой. Объединяет их всех не только общее неприятие философских установок позитивизма, но и стремление к заимствованию методов и методик из других «позитивных» наук: социологии, психологии, экономики, теории и истории культуры и т. д.

Результаты этих заимствований не замедлили сказаться. Прежде всего это выразилось в акцентировании роли ценностно-нормативных факторов познания политической реальности, зависимости этого познания от культурного, социального, экономического и... политического контекстов. Если позитивизм в целях объективности стремится элиминировать познающего субъекта из результатов концептуализации (Kratochwill, Ruggie, 1986), то «постпозитивизм» — наоборот — настаивает на том, что любой исследователь исходит из установок, обусловленных как его личностными обстоятельствами, так и интересами определенных групп. Поэтому границы любого познавательного акта и его содержания в изрядной степени определяются соответствующими нормативными рамками (Foucault, 1980). Так или иначе, но можно отметить нарастание субъективности, порождающее потенциально бесконечное множество субъективных трактовок реальности.

В результате некоторые авторы расценивают «постпозитивизм» как отступление рационализма в политических науках (International theory ..., 1996, p. 163), как проявление неуверенности и растерянности перед лицом тех вызовов, которые практика в очередной раз создала для теории, даже как иррационалистический отказ от самой возможности подлинно научного познания общественных процессов (Конышев, Сергунин, 2013, с. 70). Думается, что важно другое — осознание в политических науках отсутствия абсолютных критериев истинности знания, их относительности, предполагающей углубление и детализацию методологической рефлексии.

В чисто внешнем плане это выразилось в своеобразном «лингвистическом повороте» политических наук (Хабермас, 2000), сведении к «дискурсивным практикам» не только анализа, (что нередко воспринималось и воспринимается сторонними наблюдателями как упражнение в словесности и логомахия), но и самой политической реальности (Buzan, Waever, Wilde, 1998).

Сторонников традиционных подходов смущает также отказ постпозитивистов от критикуемых ими понятий «национальные интересы», «национально-государственный суверенитет», «гражданство» и пр. в пользу понятия «идентичность», зависящего от стереотипов восприятия «я» и «другого», сформировавшихся в данный момент в конкретном обществе. Такой подход воспринимается как несовместимый с научностью, поскольку «один и тот же субъект политики может иметь множество идентичностей, причем некоторые из них могут противоречить друг другу, создавая неразрешимый внутренний конфликт», само содержание идентичности в высшей мере субъективно и зависимо от мнения, а все это в комплексе чревато либо утопической деполи-

тизацией, (Коньшев, Сергунин, 2013, с. 71–72), либо предельным обобщением до содержательной пустоты идеи власти (Фуко, 1996). Приводятся аргументы, в соответствии с которыми использование идеи биовласти, дисциплинарной власти, лишает идею власти собственно политического содержания, растворяя ее в понятии влияния. При этом место политики занимают технологии менеджмента, информационного манипулирования массами. Во всех этих случаях проблема власти — системообразующая в политологии — якобы элиминируется из политической науки. При этом в дискурсивной практике подобного анализа широко используются метафоры типа «ризомы», «шизоанализ», «смерть автора», «означающее без означаемых», которые даже рекомендуется использовать как можно чаще (Featherstone, 1988, p. 195).

Тем не менее постпозитивизм привнес критическое осмысление («деконструкцию») традиционных идей и концепций, рецепцию более широкого круга социальных сил. А главное — осознание «общего парадигмального сдвига», который в политических науках выразился в активизации создания объясняющих теорий, например таких, как социальный конструктивизм, в возвращении к практической форме осмысления политической реальности в ее исторической данности (Reus-Smit, 2005, p. 212). Помимо уточнения концептуального аппарата, его адаптации к изменившимся условиям, наметилась тенденция межпарадигмальных диффузий и компромиссов (Patomaki, 2002; Patomaki, Wight, 2006, p. 245). Так, либерализм проявил отчетливый дрейф в сторону коммуитаризма и социал-демократии, неореалисты учитывают возрастающую роль негосударственных политических акторов, а либералы признают необходимость выхода государства из тени в кризисной ситуации. Неолибералы и глобалисты находят точки соприкосновения в признании необходимости стабильного социально-экономического развития различных стран и народов, достижения баланса между развитыми развивающимися государствами и экономиками. Довольно отчетливо звучат призывы к «аналитическому эклектизму» — прагматичному использованию различных подходов в зависимости от их эффективности (Sil, Katzenstein, 2010).

Думается, что в XXI столетии политологические дискуссии сохраняют свое предметное содержание по традиционным «вечным» вопросам о природе политического, месте и роли насилия, соотношении государства и других акторов политической деятельности, критериях «хорошего» общества, соотношения политики и экономики etc. Нельзя, однако, не признать, что вызовы, с которыми столкнулся концептуальный аппарат политических наук на стыке столетий, не только и не столько вывел на первый план содержательные рефлексии в рамках традиционных парадигм, сколько поставил задачу расширения горизонта рассмотрения, выхода на метатеоретический уровень осмысления.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ТРИ НАРРАТИВА

Политология — как в целом, так и в ее теоретической и прикладной составляющих — представляет собой пример формирования дисциплины на основе междисциплинарного комплекса. Близкими аналогами являются культуроло-

гия, маркетинг, представлявшие собой на ранних стадиях конгломерат философских, социологических, психологических, экономических, географических и т.д. исследований, объединенных неким общим предметом рассмотрения. И только со временем формировался некий интегративный синтез этих подходов в дисциплинарный комплекс.

Такова же во многом и ситуация в политологии, в которой находятся свое место и законы, и символы, и идеи, и общественное мнение, и мораль, и поведение, и сознание... Политика и связанные с нею институты, структуры, процессы, коммуникации могут исследоваться методами, выработанными в социологии, психологии, филологии и лингвистике, экономике, математике etc. В ней есть место и наблюдению, и эксперименту, и текстологическому анализу, и семантическому анализу, и герменевтике, и правовой экспертизе... Математические модели в политологии в чистом виде редко, но применяются. Чаще — косвенно — используется математический аппарат для фиксации неких зависимостей и их уточненных объяснений. В анализе политической жизни необходимо учитывать данные science — прежде всего наук о природе, основанных на выявлении причинно-следственных отношений, формулировке обобщений (законов), которые могут проверяться в ходе экспериментов. Невозможна политология и без экономических концепций и объяснений.

Более того, политология, пожалуй, является наиболее полным примером интеграции science и humanities — англоязычные термины позволяют в большей степени передать различие между науками, претендующими на постижение реальности на основе опыта, и «гуманитарными науками», с их интерпретациями понимания мотивации политических акторов, проявлений их свободы выбора и ответственности, учетом ценностного и нравственного контекстов.

Политическое, например власть, может рассматриваться на уровне (и в форме) социологии, экономики, культуральном, антропологическом, психологическом, феноменологическом, метафизическом. Как только мы прикасаемся к политическому институту или к политическому порядку, он превращается в предмет социологического анализа. Или правового. Или морального. Или социально психологического. Он остается политическим, но исследуется междисциплинарно. И так — с любой политической нормативно-ценностной системой: безопасностью, справедливостью, свободой... И все это будет теория политического, политология, междисциплинарное рассмотрение проявлений политического.

Власть трактуется как божественная, как вождистская, как справедливая, как насильственная, как харизматическая... И это будут разные подходы к ней, связанные с соответствующими дисциплинарными срезами. То же самое и с легитимностью. То же и с реформами. То же с насилием, со свободой. Сами *polісу* и *polіtics* при их раскрытии пользуются аппаратом разных дисциплин. Специфика контента, точнее — предмета, — несомненна. Но аппарат, инструментарий анализа и осмысления — дисциплинарны. И это не плохо.

Так, маркетинг — теория и практика ведения деловой активности в соответствии с рыночной ситуацией и попытками воздействия на нее. Есть экономи-

ческий сектор, психологический, математический, юридический, социологический и прочие сектора, что делает этот комплекс очень продуктивным, потому что они все дополняют и подкрепляют друг друга.

Похожая ситуация наблюдается и в культурологии. В кибернетике не сложилось — слишком большая абстракция для конкретной целостности. Не множества элементов, а именно целостности, состоящей из частей — как в маркетинге и в культурологии, где целостность задается самим предметом рассмотрения.

Такова ситуация и с политологией. Это не просто паззл, мозаика, органичное целое, подобное биологическому организму, в котором есть разные системы: костяк, нервная система, кровеносная, ЖКТ, лимфатическая система... И все это существует вместе. Так и политическое — это и нечто целостное, и то, что обеспечивает эту целостность.

Если рассматривать политическое объяснение в терминах нарративов, т. е. построения осмысленных дискурсивных разъяснений, то научное знание предстает как три уровня наррации:

- (1) Уровень эмпирической фактологии, предъявления описаний, данных.
- (2) Уровень каузальных связей, взаимосвязей и детерминаций между фактами.
- (3) Уровень целевого контекста, раскрывающего замысел построения и использования целостного конструкта.

Если научные объяснения дают ответы на вопросы, решают проблемы, раскрывая суть происходящего, то уместно уподобление уровней их нарративности структуре детектива: презентация ситуаций дополняется агрегацией паззла, в котором могут обнаруживаться смысловые, каузальные нестыковки целого. А завершает осмысление этого целого рефлексия, достраивающая осмысление до выявления мотиваций (в духе финального рассказа Э. Пуаро или мисс Марпл).

Характерно, что Х. Р. Алкер, давая развернутую характеристику комплекса неполноценности политической методологии по состоянию на конец 1990-х годов, завершает свой обзор (Alker, 1996) апелляцией к перспективам реализации упоминавшейся трехчастной модели науки, представленной И. Галтунгом в работе «Эмпиризм, критицизм, конструктивизм: три аспекта научной деятельности» (Galtung, 1977), согласно которой развитие социальной науки происходит в постоянном движении между тремя образующими треугольник «полюсами»: данными, теорией и ценностями. Осмысление эмпирических данных с ценностных позиций реализует критицизм («критическая компетентность»). Синтез теории и эмпирических данных реализует эмпирицизм с его попытками объяснения и предвидения развития. Синтез теории и ценностей дает конструктивизм — как возможность построения образа желаемого, предпочтительного будущего (Герасимов, Тульчинский, 2018).

Полинарративная модель вполне соответствует концепции И. Галтунга, также демонстрируя взаимосвязь эмпирики, теории и конструктивной целостности. Хотя второй уровень свойственен science, тогда как третий — humanities, уровни эти не разорваны, а взаимосвязаны. Так, роль третьего уровня прояв-

ляется даже на 1-м — при отборе фактов, их распознавании и обозначении. Это выражается не только в целевом контексте исследования, но и в базовых метафорах, лежащих в основе научной терминологии. Здесь не место говорить о научной «мифологии». Отметим только, что в science такие метафоры, как «сила», «поле», «ток», «струны», «волна» и т.п., конкретизируются, операционализируются, измеряются. Тем самым суждения, содержащие такие термины, проверяются: они могут быть подтверждены или опровергнуты. Именно это позволяет не просто подводить явление под общую категорию, а пытаться выявить корреляции, выделить существенные факторы, каузальность и прочие детерминации.

Третий уровень проявляется в science и в контексте: в обоснованиях актуальности, практической значимости, важных для заявок на гранты, в популяризации, научной публицистике.

В политических исследованиях явно задействованы все три уровня. Причем третий уровень — не только в эзотерике, популяризации, публицистике или образовании.

Конструктивные (алгоритмически процедурные) объяснения интегрируют второй и третий уровни объяснительной наррации, раскрывая процесс порождения феномена. Тогда как первый уровень выступает в качестве либо элементной базы построения, либо также как презентация «конечного продукта» всего построения.

Методологию в политическом и связанном с ним историческом знании нельзя сводить к методологии естественных и точных наук. Во-первых, последние сами зависят от конструктивной концептуальной активности познающего субъекта. А во-вторых, это выхолащивает саму суть политического предмета — наличие и волю политических акторов, мотивация которых редуцируется к абстрактным схемам.

ИЗ ЛОВУШКИ НАУЧНОЙ «РЕСПЕКТАБЕЛЬНОСТИ» — К МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ КОНСТРУКТИВНОСТИ

Оба вектора отмеченных выше проблем позитивистской парадигмы в политологии — и издержки подведения под общую категорию, и элиминация вменяемого политического актора — указывают на возможную фокусировку их решения. Речь идет об учете конструктивного (порождающего) характера человеческой активности, и научного познания в том числе. И такая фокусировка оказывается в тренде общей методологической рефлексии последних полутора столетий, начиная с попыток решения проблемы оснований математики Д. Гилбертом и далее — Л. Брауэром, А. Гейтингом, А. Марковым, Н. Шаниным. Конструктивизм в основаниях математики, алгоритмизация, программирование, по сути дела образуют тот же тренд, что и обозначенный критиками позитивизма. Речь идет об отходе не только от реалистских описаний универсалий, но и от трактовки общих терминов как инструмента «экономии мышления». Эпистемологическое внимание смещается на процессы, порождающие пред-

мет знания. Объяснение — не подведение под известное общее, а указание порождающей процедуры, буквально — алгоритма.

Давно известен принцип: человек понимает только то, что может воспроизвести, сделать. Ребенок ломает игрушку не по глупости или злобе — он пытается понять ее устройство. Эту познавательную установку Ф. Бэкон — основатель методологии опытного знания и индуктивной логики — называл выявлением «скрытого схематизма» явления, а Р. Колингвуд применительно к истории и В. Шкловский применительно к теории литературы — «сделанностью» вещи. Обучение, убеждение также так или иначе апеллируют к иллюстрации, демонстрации того, как это сделано или как это делать. Никакое знание теории не научит человека плавать или водить машину. Неспроста в современном образовании так актуален стал именно компетентностный подход: знание «что» должно воплощаться в знание и умение «как». Сама по себе проблема соотношения знаний и социальных технологий весьма актуальна и достойна серьезного обсуждения. С одной стороны, накопление практического опыта ставит вопрос о его теоретическом осмыслении, упорядочении. С другой — накопление любого знания рано или поздно ставит вопрос о возможностях его применения. И в обоих случаях речь фактически идет о концептуализации технологий — как то ли систематизации некоей эмпирически сложившейся рецептуры, то ли разработки прикладных методик, применений теоретического знания. Индустриализация, урбанизация, а затем и информатизация, компьютеризация чрезвычайно технологизировали образ жизни современного общества, практически все сферы его жизни — от бизнеса до досуга и от формирования национального самосознания до информационных войн. И при этом накопленное знание о социуме давно уже начало порождать прикладные социальные науки — вплоть до прикладной политологии.

В этой связи необходимо уяснение специфики социальных технологий как типа знания (Тульчинский, 2014b). Социальные технологии предстают социальными практиками в формате know how, т. е. сознательно выстроенной программы (алгоритма), позволяющей за конечное число шагов получить желаемый результат. Так, идея либерализма или коммунизма — это и конкретное теоретическое представление о социальной реальности, и представления о целях общественного развития, и о путях и способах достижения этих целей (программе преобразования реальности для достижения целей на основе имеющихся знаний об этой реальности). В принципе аналогично содержание любых идей: не только политических, но и научных, экономических, технических, художественных, религиозных.

Более того, можно утверждать, что человек вообще познает мир именно в таком синтезе. Идеи know how — первичные формы осмысления. Так, ребенок постигает окружающие его вещи именно как такие идеи: стул для него это и вот эта реальная вещь, и ее предназначенность, и программа действий (игры) с ним. Выраженный в идеях синтез представлений об истинном, должном и возможном может быть как синкретично-целостным, так и теоретически отрефлектированным, вплоть до аналитического вычленения каждого из модулей. Понятие как знание о свойствах предметов и процессов является лишь од-

ним из аспектов идеи, абстрагированным от оценочного контекста, от модусов возможности и необходимости.

С этой точки зрения технология предстает как синтез знания истины, должного и возможного, а специфика организации знания, выраженного в технологиях — как синтез цели (характеристики желаемого результата), описание некоей реальности (возможных средств) и нормы (правила, следование которому позволяет, привлекая средства, достичь желаемого результата). Такой тип знания был описан еще Аристотелем в «Никомаховой этике» как «практический силлогизм», связанный с «истинным стремлением» (Аристотель, 1983).

Оценки, нормы и фактологические описания суть установления определенных соответствий: целям (как оценка соответствия желаемому результату), реальности (как оценка на истинность или ложность описания), имеющимся средствам и возможностям (оценка на реализуемость) (Тульчинский, 2001).

Каждый из семантических аспектов (соответствий) технологической идеи может быть связан со стадиями ее зрелости и воплощения:

- (1.) Формулирование цели как образа желаемого результата есть этап осознания потребности и оформления представления о должном и необходимом. Однако должное и необходимое может быть и принципиально неосуществимым в действительности (как в случае со сказочными образами ковра-самолета, скатерти-самобранки и т. п.).
- (2.) Установление принципиальной (потенциальной) осуществимости цели на основе объективного истинного знания. Однако истинное знание может быть нереализуемым, поскольку средства его воплощения еще не созданы в силу низкого уровня развития производственных сил. Это уровень научной гипотезы, художественного замысла и т. п. Ряд образов научной фантастики основан на таком знании потенциальной осуществимости.
- (3.) Установление путей и средств реализации идеи.

Традиционно главная проблема эпистемологии (гносеологии), логики и методологии науки — вопрос о гарантиях и регулятивах получения истинного знания. Соотношения знания и действительности при этом рассматриваются «однонаправленно» — от действительности к знанию, как представленность действительности в формах знания. Но познание одновременно — и активное воспроизведение действительности, обусловленное целями практической деятельности (Тульчинский, 2014b). Анализ знания как знания осмысленного ставит перед эпистемологией, логикой и методологией комплекс проблем, связанных не только с обеспечением адекватной «представленности» действительности в определенных формах знания или обеспечением непротиворечивости этих форм, но и с ее встречным движением — от знания к предмету, т. е. с воплощением определенных знаний и идей в продуктах социальной деятельности. Можно сказать, что в споре платонизма и номинализма об универсалиях побеждает концептуализм П. Абеляра, подчеркивавшего посредующую конструктивную роль мышления.

Смысловая структура технологической идеи как синтеза описаний, целей и предписаний аналогична структуре целевой программы. В этой связи вполне обоснованно ставить вопрос об общенаучном статусе технологического («программно-целевого») подхода наравне с другими междисциплинарными стратегиями познания: функциональным, структурным, системным, комплексным подходами (Ладенко, Тульчинский, 1988). Более того, как их развитие и дополнение: структурный подход раскрывает «сделанность» предмета как состоящего из некоего набора компонентов и их связей; функциональный подход объясняет, что порождает структуру; комплексный разъясняет уже ряд функций; системный — что интегрирует комплекс функций; конструктивно-технологический (программно-целевой) — что задает целостность системы, ее «назначение». В этом плане технологический подход предстает как обобщение и развитие теоретического и методологического потенциала других указанных подходов, использует их как свои предпосылку и основание.

Технически, технологически ориентированная эпистемология распространяется на все большие области науки (Петренко, 2016), в том числе и на политическую науку (Guzzini, 2005). Примерами такого распространения являются и упоминавшийся ранее «дискурсивный поворот», и общее смещение внимания к языковым, коммуникативным практикам (Хабермас, 2000; Шейгал, 2004; Dijk van, 1998). Так, согласно Р. Брубейкеру (Брубейкер, 2012), отличие языка политолога от языка политика состоит в том, что последний рассуждает о нациях, этносах, классах, врагах, идеях как о сущностях, тогда как политолог — о том, как эти сущности и концепты возникают, формируются и используются. И когда политолог говорит о них не как о концептуальных конструктах, а как об объектах, он переходит на язык политика и публициста и становится таковым, а не политологом. Не менее показательным и смещением внимания на коммуникации, когда политические институты предстают не только не столько результатом коммуникативных процессов, сколько самими процессами устойчивой коммуникации. С этой же тенденцией связано и такое направление политологического анализа, как символическая политика (Edelman, 1971; Малинова, 2012). Те же информационные технологии — вплоть до символической политики и информационных войн — выступают не только как практики манипулирования, но и как метод анализа политических и бизнес-реалий, которые другими методами не обнаруживаются (Tulchinskii, 2013; Тульчинский, 2015).

Конструктивистский анализ возможности достижения предпочтительного мира открывает возможность выработки предложений по проведению изменений, воплощению новой или исправлению старой реальности, другими словами — перспективу объединения усилий науки и политики.

Там, где спотыкаются объяснения в духе «демократического трансфера», «гибридных режимов», убедительно выявляют «скрытый схематизм» российской власти и дают действенную прогностику матрицы административных рынков (Кордонский, 2006; Кордонский, 2010), фактически развивающие представление о власти как системе «кормлений» и «вотчинной экономике» (Пайпс, 2000). В самом деле — административный и электоральный рынок существуют в любом политическом социуме. Отличие — в акцентуации политического мар-

кетинга. В России, в отличие от либеральных демократий, акцентирован рынок административный, а действия на электоральном рынке суть демонстрация для избирателей административного влияния, а для «административного ресурса» — способности отвечать ожиданиям. Расширение горизонта анализа способно прояснять многие «парадоксы» не только российской политической реальности. Конструктивистский по сути маркетинговый анализ убедительно показывает рациональность противоречащих маргиналистской концепции рационального выбора результатов Brexit'a, победы Д. Трампа на президентских выборах, способности власти к манипулятивному изменению смысловой картины мира за счет наполнения медийной повестки.

Более того, полинарративный конструктивизм давно присутствует в политической науке. Не секрет, что не только диссертационные исследования, но и выпускные квалификационные работы по политологии довольно жестко ориентируются на эмпирически-ориентированное исследование, включающее грамотное использование методов сбора и анализа данных, встроенное в теоретическую рамку, позволяющую выведение гипотез, которые в дальнейшем и проверяются на эмпирическом материале. А к типичным недостаткам (слабостям) выпускных работ по политологии научные руководители и аттестационные комиссии относят:

- (1) неспособность порождения нового знания (только воспроизведение имеющегося);
- (2) частое отсутствие теоретической рамки исследования, что влечет невозможность выведения гипотез;
- (3) проблемы с формулированием предмета/объекта исследования;
- (4) проблемы с методами анализа и обработки эмпирических данных, в особенности с количественным и математическим моделированием;
- (5) слабое знание выпускником актуальной литературы по теме выпускных квалификационных работ ВКР на иностранном языке;
- (6) неумение посмотреть на исследовательский вопрос с разных точек зрения.

Если требования (1), (3), (5) и (6) являются абсолютно справедливыми, то требования (2) и (4) выглядят неоднозначно. Исследования по истории идей, описание ранее не известных фактов, герменевтика политической символики и многое другое не укладываются в это методологическое «прокрустово ложе». В результате для некоторых выпускная работа превращается в мучительные попытки поместить проведенное исследование, его результаты в жесткие «теоретические рамы», в игру ума и упражнение в российской словесности по формулировке гипотезы, а главное — формирует искаженное представление о научной деятельности в социальных и гуманитарных науках. Более того, именно требования (2) и (4) порождают проблемы (1) и (6), поскольку загоняют поиск и интеллектуальную активность начинающего исследователя в искусственные рамки.

Можно понять борьбу за «чистоту рядов», стремление членов политологического сообщества придать политологии статус полноценной науки. Однако

в реальности это стремление чаще сводится с непременно к использованию количественных методов, определению «теоретической» рамки конкретного исследования, следованию канонам этой рамки. Учитывая же, что, например, отечественная политология — наука молодая, и формировалась она за счет преимущественно двух профессиональных групп — (а) советских «научных коммунистов», «историков КПСС» и (б) социологов, — вполне естественно выглядит стремление к научной респектабельности, преимущественно за счет заимствования методов социологии. Вряд ли, однако, использование количественных методов, поиск корреляции между иногда за уши притягиваемым индикаторами, более значимы для понимания, объяснения политических явлений, чем текстологический анализ содержания политических и правовых документов, семантический анализ символики, выявление идейного влияния мыслителей прошлого. Такие «исследования» могут выглядеть весьма наукообразно, использовать изощренные методики анализа. Более того, быть весьма «результативными» и даже «оптимальными», но не быть «целесообразными». Именно они и превращают политологию (и любую другую науку) в самодостаточную, замкнутую на саму себя деятельность, не нацеленную на решение реальных проблем не только практики, но и самой науки.

В этой связи становится ясной ключевая роль для современной политологии именно обоснованности преследуемых целей, проблемной ориентированности, т. е. «целесообразности» самой планируемой или осуществляемой деятельности.

Действительно, вне зависимости от подхода научное исследование предполагает все тот же конструктивный алгоритм:

- ясную формулировку проблемы, ее актуальность для данной отрасли знания и практическое значение;
- формулировку конкретной проверяемой цели (в принципе, любая цель есть описание желаемого результата);
- конкретные задачи, которые решаются в данном исследовании для достижения цели;
- привлекаемые ресурсы: источники, концепции, эмпирическая база, методы, подходы и технологии;
- описание полученных результатов — достоверных и проверяемых, что гарантирует авторскую ответственность и авторское право.

Но тогда становится ясной зависимость методов и других средств от проблемы, а не их довлениe над нею! Критерий научности — не в методах, а в решении проблемы, что гарантируется адекватностью используемых методов. В противном случае получается стрельба из пушек по воробьям, установка на телегу реактивного двигателя, выявление корреляции между интенсивностью лунного света, удоиностью коров и результатами выборов.

В связи с вышеизложенным, а также с нарастанием конструктивной междисциплинарной полинарративности можно ожидать и нового подъема интереса в политологии к историческим исследованиям — не только далекого, но и совсем недавнего прошлого. Исторический анализ фактически является

реконструкцией порождения настоящего, объясняющей это настоящее. Так, для понимания нынешней российской государственности важны исторические реконструкции эпохи перестройки и гайдаровских реформ (Сунгуров, 1998), политической кухни первых пятнадцати лет нынешнего столетия (Павловский, 2015).

Увязывание конструктивистского и исторического подходов в политологии тем более уместно, что политические явления носят исторический характер. История (в отличие от естествознания) развивается за счет все большей индивидуализации, а не обобщения. История процедуры порождения, учет игры конкретных волей как раз и раскрывают индивидуальную природу политических феноменов (Поппер, 1992). Кстати, именно на отрицании общих исторических законов как проявления тенденции к тоталитаризму строил свою аргументацию один из столпов позитивизма.

И в этом плане утверждение «история не знает сослагательного наклонения» приобретает неоднозначный смысл. С одной стороны, история как объективно данный процесс порождения равнодействующей волей политических сил — индивидуальна и уникальна. А с другой — как наука, объясняющая порождение, может реализовываться только с учетом альтернативных проектов, чьей-то нереализованной воли.

Весьма обнадеживающими представляются перспективы политической морфологии — выявления элементной базы политических феноменов, представляющих различными конструкциями из одного набора таких элементов (Ильин, 1997). Дальнейший интерес представляет разработка в рамках предлагаемого подхода модели политической мотивации, политической воли, политического поступка — в отличие от политического поведения и политической деятельности — как действия, реализующего некую мотивацию властной воли.

ERGO

В данной работе и была предпринята попытка конструктивного объяснения междисциплинарного, полинарративного характера политической науки. По мере возможности содержание работы представляет попытку реализации такой полинарративности, синтеза фактологии (вызовов политической науке), каузальных детерминаций (внутринаучных и социальных) этой неоднозначной ситуации, ценностно-целевой конструктивности политологических концепций.

Предлагаемый подход открывает новые возможности анализа и объяснения динамики развития политических процессов, роли в них конкретных политических сил, социально-культурных и личностных факторов.

В этой связи политология обнаруживает особые возможности (если не преимущества!) в плане методологической рефлексии и выявления перспектив научного знания.

Литература

Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 432 с.

Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–94.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.

Герасимов С. В., Тульчинский Г. Л. События как семантическая основа конструирования реальности: перспективы перехода к динамической онтологии // Слово.ру: Балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 3. С. 5–24.

Даймонд Л. Прошла ли третья волна демократизации // Полис. Политические исследования. 1993. № 2. С. 34–43.

Дискуссия о профессионализме в политике и политической науке. URL: <http://www.rapn.ru/in.php?part=1&gr=1623> (дата обращения: 09.12.2018).

Замминистра образования Игорь Федюкин: Многие российские диссертации не выдерживают критики. URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/56786> (дата обращения: 30.11.2018).

Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания основных политических понятий. М.: РОС-СПЭН, 1997. 432 с.

Кламер А. Странная наука экономика. Приглашение к разговору. М.; СПб.: Ин-т Гайдара, 2015. 336 с.

Конышев В. Н., Сергунин А. А. Теория международных отношений: канун новых «великих дебатов»? // Полис. Политические исследования. 2013. № 2. С. 66–78.

Кордонский С. Г. Россия: поместная федерация. М.: Европа, 2010. 312 с.

Кордонский С. Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006. 240 с.

Кузнецов И. И. Парадигма транзитологии (плюсы и минусы объяснительной концепции переходного периода) // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 46–51.

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.

Ладенко И. С., Тульчинский Г. Л. Логика целевого управления. Новосибирск: Наука, 1988. 208 с.

Маккроски Д. Риторика экономической науки. М.; СПб.: Ин-т Гайдара, 2015. 328 с.

Малинова О. Ю. Символическая политика: Контуры проблемного поля // Символическая политика. М.: ИНИОН, 2012. Вып. 1. С. 5–17.

Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // Полис. Политические исследования. 2002. № 1. С. 7–15.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд эконом. книги «Начала», 1997. 185 с.

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: ВШЭ, 2010. 256 с.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова и А. Расковой. М.: Ин-т Гайдара, 2011. 480 с.

Павловский Г. Система РФ. Источники российского стратегического поведения: метод Г. Ф. Кенпап. М.: Европа, 2015. 152 с.

Пайпс Р. Собственность и свобода. М.: Моск. школа политических исследований, 2000. 415 с.

Петренко В. Ф. Конструктивизм как методология множественности модельного описания и конструирования в познании // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность. М.: МГУДТ, 2016. Ч. 1. С. 221–229.

Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1977. 300 с.

Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992. Т. 1–2. 448 с.

Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России // Полис. Политические исследования. 1997. № 1. С. 76–80.

Сунгуров А. Функции политической системы: от застоя к постперестройке. СПб.: СПб Центр «Стратегия», 1998. 300 с.

Тулмин С. Концептуальные революции в науке // Структура и развитие науки. Из бостонских исследований по философии науки. М.: Прогресс, 1978. С. 170–189.

Тулчинский Г. Л. Идеи: источники, динамика и логическое содержание // История идей как методология гуманитарных исследований. СПб.: Центр истории идей, 2001. С. 28–58.

Тулчинский Г. Л. Информационные войны как политическая технология и метод анализа // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. Барнаул: Си-пресс, 2015. С. 187–192.

Тулчинский Г. Л. Объяснение в политической науке: конструктивизм vs позитивизм // Публичная политика. 2017. № 1. С. 76–98.

Тулчинский Г. Л. Политические трансформации в России и современная политическая наука // Неприкосновенный запас. 2014а. № 98 (6/2014). С. 95–112.

Тулчинский Г. Л. Социальные технологии и знание // Философские науки. 2014б. № 10. С. 20–29.

Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М.: АСТ, 2010. 378 с.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.

Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Весь мир, 2011. 336 с.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 382 с.

Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.

Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: ИД ВШЭ, 2015. 424 с.

Холтон Д. Тематический анализ науки. М.: Прогресс, 1981. 383 с.

Шапиро И. Бегство гуманитарных наук от реальности. М.: ВШЭ, 2011. 368 с.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.

Шмиттер Ф. Размышления о «транзитологии»: раньше и теперь // Отечественные записки. 2013. № 6 (57). С. 8–25.

Alker H. R., jr. Political Methodology, Old and New // A New Handbook of Political Science / ed. by R. E. Goodin and H. D. Klingemann. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 787–799.

Almond G., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. London, etc.: SAGE Publications, Inc, 1989. 392 p.

Acemoglu D., Robinson J. A. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. New York: Crown Business, 2012.

Bratton M., van der Walle N. Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa // World Politics. 1994. Vol. 46, N 4. P. 453–489.

Buzan B., Waever O., Wilde J. Security: a new framework for analysis. London: Lynne Rienner Publ., 1998. viii, 239 p.

Dijk T. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998. 201 p.

Edelman M. Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence. Chicago: Markham publ. Co, 1971. 188 p.

Featherstone M. In pursuit of the postmodern: an introduction // Theory, Culture, and Society. 1988. Vol. 5, N 2–3. P. 195.

Fisun O. Rethinking Post-Soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2012. Vol. 20. N 2. P. 87–96.

Foucault M. Power / knowledge: selected interviews and writings 1972–1977. Brighton: Harvester, 1980. xi, 270 p.

Galtung J. Essays in methodology. Vol. 1: Methodology and ideology. Copenhagen: Christian Ejlertsen, 1977. 387 p.

Guzzini S. The concept of Power: a Constructivist Analysis // Millennium. 2005. Vol. 33, N 3. P. 495–511.

Hempel C. G. Science, Explanation, and Rationality: Aspects of the Philosophy of Carl G. Hempel. New York: Oxford University Press, 2000. 342 p.

International theory: positivism and beyond / ed. by S. Smith, K. Booth, M. Zalewski. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 163 p.

In the Shadow of Violence / ed. by D. C. North and others. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Kratochwill F., Ruggie J. G. International organization: a state of the art of an art of the state // International Organization. 1986. Vol. 40, N 4. P. 753-775.

Merkel W. Embedded and Defective Democracies // Democratization. 2004. Vol. 11, N 5. P. 28-35.

O'Donnell G., Schmitter Ph. C. Defining Some Concepts (and Exposing Some Assumptions) // Transitions from Authoritarian Rule. Prospects for Democracy / ed. by G. O'Donnell, Ph. C. Schmitter, L. Whitehead. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. Vol. 4. P. 9-13.

Patomaki H. After International Relations. Critical Realism and the (Re)Construction of World Politics. London, New York: Routledge, 2002. 288 p.

Patomaki H., Wight C. After Positivism? The Promises of Critical Realism // Theory of International Relations / ed. by S. Chan, C. Moore. London: Sage Publications, 2006. Vol. IV. P. 231-245.

Reus-Smit C. Constructivism. Theories of International Relations / ed. by S. Burchill, A. Linklater, R. Devetak, M. Paterson, C. Reus-Smit, J. True. New York: Palgrave Macmillan, 2005. 212 p.

Sil R., Katzenstein P. Beyond Paradigms: Analytic Eclecticism in the Study of World Politics. New York: Palgrave, 2010. 280 p.

Tulchinskii G. Information wars as a conflict of interpretations: activating the 'third party' // Russian Journal of Communication. 2013. Vol. 5, N 3. P. 244-251.

Тульчинский Григорий Львович — д-р. филос. наук, проф.; gtul@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 9 декабря 2018 г.;

рекомендована в печать: 7 февраля 2019 г.

Для цитирования: Тульчинский Г. Л. Три нарратива политической науки: перспективы междисциплинарности политических исследований // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15, № 2. С. 000-000. <https://doi.org/>

THREE NARRATIVES OF POLITICAL SCIENCE: PERSPECTIVES OF INTERDISCIPLINARY POLITICAL STUDIES*

Grigorii L. Tulchinskii

St. Petersburg State University,

7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; gtul@mail.ru

National Research University "Higher School of Economics"

16, ul. Union of Printers, St. Petersburg, 190008, Russia; gtul@mail.ru

Baltic Federal University in the name of I. Kant

14, ul. A. Nevsky, Kaliningrad, 236016, Russia; gtul@mail.ru

Modern political science faces significant challenges in methodology, positioning, and disciplinary reproduction. Virtually all of these challenges (both internalist and externalist) are due to the reduction of the methodology of political science to the positivist paradigm. Examples of concepts of political culture, democratic transit, hybrid regimes, post-secularity, political

---

* The study was carried out within the framework of the grant of the RNF (No. 18-18-00442) "Mechanisms of sense formation and textualization in social narrative and performative discourses and practices" at the Baltic Federal University. I. Kant.

will are a demonstration of the positivist paradigm weaknesses. The positivist methodological orientation dominance gives such the cost in political science as both in the reduction of the scientific explanation to the evaluative categorization and in the elimination from the subject of consideration of the actual political subject and his will. Answers to these challenges suggest systematization of the interdisciplinary narrative of political knowledge. It is necessary to expand the methodological horizon of the analysis of political reality. Such expansion is possible on the interdisciplinary approach basis, which is specified in this work as fixing and disclosing the poly-narrative content of political knowledge. The dynamics of political reality is revealed through the procedure (algorithm, technology) of the generation of a phenomenon or concept with the help of narratives, the corresponding formulation of factology, theoretical constructs and the goals of political reality analysis. In turn, the history of the generation procedure, taking into account the social forces game reveal the individual nature of political phenomena. In this regard, it becomes clear that the key role for modern political science is precisely the validity of the goals pursued, problem orientation, i.e. “expediency” of the planned or carried out the activity. The criterion of science is not in the methods, but in solving the problem, which is guaranteed by the adequacy of the methods used. The proposed approach opens up new possibilities for analyzing and explaining the political processes dynamics, the role of specific political forces, socio-cultural and personal factors in them.

Keywords: constructivism, interdisciplinarity, narratives, positivism, political science.

References

- Acemoglu, D. and Robinson, J.A. (2012), *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*, Crown Business, New York, USA.
- Alker, H.R., jr. (1996), Political Methodology, Old and New, in *A New Handbook of Political Science*, ed. Goodin, R.E. and Klingemann, H.D., Oxford university press, Oxford, UK, pp. 787–799.
- Almond, G. and Verba, S. (1989), *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*, SAGE Publications, Inc, London, UK, etc.
- Ankersmit, F.R. (2014), *Esteticheskaia politika. Politicheskaia filosofiiia po tu storonu fakta i tsennosti* [Aesthetic policy. Political philosophy on the other side of fact and value], trans. from eng. by Kralechkin, D., ed. Borisova, I. Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia. (In Russian)
- Aristotle (1983), *Nikomakhova etika* [Nicomachean Ethics], in Aristotle, *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 4 vols., vol. 4, Mysl', Moscow, Russia, pp. 53–94. (In Russian)
- Bratton, M. and van der Walle, N. (1994), Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa, *World Politics*, vol. 46, no. 4, pp. 453–489.
- Brubaker, R. (2012), *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without Groups], Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia. (In Russian)
- Buzan, B., Waever, O. and Wilde, J. (1998), *Security: a new framework for analysis*, Lynne Rienner Publ., London, UK.
- Diamond, L. (1993), Proshla li tret'ia volna demokratizatsii [Has the third wave of democratization passed?], *Polis. Politicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 34–43. (In Russian)
- Dijk, T. van (1998), *Ideology: A Multidisciplinary Approach*, SAGE Publications, London, UK.
- Diskussiia o professionalizme v politike i politicheskoi nauke* [Discussion about professionalism in politics and political science], available at: <http://www.rapn.ru/in.php?part=1&gr=1623> (accessed: 09.12.2018). (In Russian)
- Edelman, M. (1971), *Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence*, Markham publ. Co, Chicago, USA.
- Featherstone, M. (1988), In pursuit of the postmodern: an introduction, *Theory, Culture, and Society*, vol. 5, no. 2–3, p. 195.
- Feyerabend, P. (2010), *Nauka v svobodnom obshchestve* [Science in a Free Society], AST Publ., Moscow, Russia. (In Russian)
- Fisun, O. (2012), Rethinking Post-Soviet Politics from a Neopatrimonial Perspective, *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization.*, vol. 20, no. 2, pp. 87–96.

Foucault, M. (1980), *Power/knowledge: selected interviews and writings 1972–1977*, Harvester, Brighton, UK.

Foucault, M. (1996), *Volia k istine: po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works of different years]*, Castal Publ., Moscow, Russia. (In Russian)

Galtung, J. (1977), *Essays in methodology, vol. 1: Methodology and ideology*, Christian Ejlers, Copenhagen, Denmark.

Gerasimov, S. V. and Tulchinskii, G. L. (2018), *Sobytiia kak semanticheskaia osnova konstruirovaniia real'nosti: perspektivy perekhoda k dinamicheskoi ontologii [Events as a Semantic Framework for the Construction of Reality: The Prospects of a Transition to a Dynamic Ontology]*, *Slovo.ru: Baltiiskii aktsent*, vol. 9, no. 3, pp. 5–24. (In Russian)

Guzzini, S. (2005), *The concept of Power: a Constructivist Analysis, Millennium*, vol. 33, no. 3, pp. 495–511.

Habermas, J. (2000), *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie [Moral consciousness and communicative action]*, Nauka, St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Habermas, J. (2011), *Mezhdunarodnyi naturalizm i religii. Filosofskie stat'i [Between Naturalism and Religion. Philosophical articles]*, Ves' mir Publ., Moscow, Russia. (In Russian)

Huntington, S. (2003), *Tret'ia volna. Demokratizatsiia v kontse XX veka [The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century]*, ROSSPEN Publ., Moscow, Russia. (In Russian)

Hedlund, S. (2015), *Nevidimye ruki, opyt Rossii i obshchestvennaia nauka. Sposoby ob'iasneniia sistemnogo provala [Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure]*, VShE, Moscow, Russia. (In Russian)

Hempel, C. G. (2000), *Science, Explanation, and Rationality: Aspects of the Philosophy of Carl G. Hempel*, Oxford University Press, New York, USA.

Holton, D. (1981), *Tematicheskii analiz nauki [Thematic Analysis of Science]*, Progress Publ., Moscow, Russia. (In Russian)

Il'in, M. V. (1997), *Slova i smysly. Opyt opisaniia osnovnykh politicheskikh poniatii [Words and senses. Experience of Description of the Basic political concepts]*, ROSSPEN Publ., Moscow, Russia. (In Russian)

In the Shadow of Violence (2013), ed. by North, D. C. and others, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 3–5.

International theory: positivism and beyond (1996), ed. by Smith, S., Booth, K. and Zaleski, M., Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Klamer, A. (2015), *Strannaia nauka ekonomika. Priglasenie k razgovoru [Strange science economics. Invitation to conversation]*, Gaidar Institut Publ., Moscow, St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Konyshev, V. N. and Sergunin, A. A. (2013), *Teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii: kanun novykh «velikikh debatov»? [The theory of international relations: the eve of the new “great debate”?]*, *Polis. Politicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 66–78. (In Russian)

Kordonskii, S. G. (2006), *Rynki vlasti: Administrativnye rynki SSSR i Rossii [Markets of authority: Administrative markets in USSR and Russia]*, OGI Publ., Moscow, Russia. (In Russian)

Kordonskii, S. G. (2010), *Rossii: pomestnaia federatsiia [Russia: Estatic Federation]*, Evropa Publ., Moscow, Russia. (In Russian)

Kratochwill, F. and Ruggie, J. G. (1986), *International organization: a state of the art of an art of the state, International Organization*, vol. 40, no. 4, pp. 753–775.

Kuhn, T. (1977), *Struktura nauchnykh revoliutsii [The Structure of Scientific Revolutions]*, Progress Publ., Moscow, Russia. (In Russian)

Kuznetsov, I. I. (2000), *Paradigma tranzitologii (pliusy i minusy ob'iasnitel'noi kontseptsii perekhodnogo perioda) [Transitology Paradigm (Pros and Cons of the Explanatory Concepts of the Transition Period)]*, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 46–51.

Ladenko, I. S. and Tulchinskii G. L. (1988), *Logika tselevogo upravleniia [Logic of the Targeting Management]*, Nauka, Novosibirsk, Russia. (In Russian)

- Malinova, O. Iu. (2012), Simvolicheskaja politika: Kontury problemnogo polia [Symbolic politics: contours of the problem field], in *Simvolicheskaja politika* [Symbolic politics], is. 1, INION Publ., Moscow, Russia, pp. 5–17. (In Russian)
- McCloskey, D. (2015), *Ritorika ekonomicheskoi nauki* [Rhetoric of economics], Gaidar Institut Publ., Moscow, St. Petersburg, Russia. (In Russian)
- Merkel, W. (2004), Embedded and Defective Democracies, *Democratization*, vol. 11, no. 5, pp. 28–35.
- Merkel, W., Kruassan, A. (2002), Formal'nye i neformal'nye instituty v defektnykh demokratiiah (I) [Formal and Informal Institutions in Defective Democracies (I)], *Polis. Politicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 7–15. (In Russian)
- North, D. (1997), *Instituty, institutsional'nye izmeneniia i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance], Fond ekonom. knigi «Nachala», Moscow, Russia. (In Russian)
- North, D. (2010), Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmenenii [Understanding the Process of Economic Change], VShE, Moscow, Russia. (In Russian)
- North, D. C., Wallis, J. J. and Weingast, B. R. (2011), Nasilie i sotsial'nye poriadki: Kontseptual'nye ramki dlia interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorder Human History], transl. from eng. by Uzlaner, D., Markov M., Raskov, D. and Raskova, A., Gaidar Institut Publ., Moscow, Russia. (In Russian)
- O'Donnell, G. and Schmitter, Ph. C. (1986), Defining Some Concepts (and Exposing Some Assumptions), in *Transitions from Authoritarian Rule. Prospects for Democracy*, ed. by O'Donnell, G., Schmitter, Ph. C. and Whitehead L., vol. 4, Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA, pp. 9–13.
- Patomaki, H. (2002), *After International Relations. Critical Realism and the (Re)Construction of World Politics*, Routledge, London, UK, New York, USA.
- Patomaki, H. and Wight C. (2006), *After Positivism? The Promises of Critical Realism*, ed. by Chan, S. and Moore, C. (Theory of International Relations, vol. IV.), Sage Publications, London, UK, pp. 231–245.
- Pavlovsky, G. (2015), *Sistema RF. Istochniki rossiiskogo strategicheskogo povedeniia: metod G. F. Kennan* [The RF System. Sources of Russian Strategic Behavior: G. F. Kennan Method], Evropa Publ., Moscow, Russia. (In Russian)
- Petrenko, V. F. (2016), Konstruktivizm kak metodologiya mnozhestvennosti model'nogo opisaniia i konstruirovaniia v poznanii [Constructivism as a methodology for the multiplicity of model description and construction in cognition], in *Gumanitarnye osnovaniia sotsial'nogo progressa: Rossiia i sovremennost'* [The Humanitarian Foundations of Social Progress: Russia and the Present], pt. 1, MGUDT, Moscow, Russia, pp. 221–229. (In Russian)
- Pipes, R. (2000), *Sobstvennost' i svoboda* [Property and Freedom], Mosk. shkola politicheskikh issledovaniia, Moscow, Russia. (In Russian)
- Polanyi, M. (1977), *Lichnostnoe znanie* [Personal Knowledge], Progress Publ., Moscow, Russia. (In Russian)
- Popper, K. (1992), *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [Open Society and its enemies], vols. 1–2, Feniks Publ., Moscow, Russia. (In Russian)
- Reus-Smit, C. (2005), *Constructivism. Theories of International Relations*, ed. by Burchill, S., Linklater, A., Devetak, R., Paterson, M., Reus-Smit, C. and True, J., Palgrave Macmillan, New York, USA.
- Sakwa, R. (1997), Rezhimnaia sistema i grazhdanskoe obshchestvo v Rossii [Regime system and civil society in Russia], *Polis. Politicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 76–80. (In Russian)
- Shapiro, I. (2011), *Begstvo gumanitarnykh nauk ot real'nosti* [The Flight from Reality in the Human Sciences], VShE, Moscow, Russia. (In Russian)
- Sheigal, E. I. (2004), *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of the Political Discourse], Gnozis Publ., Moscow, Russia. (In Russian)
- Shmitter, Ph. (2013), Razmyshleniia o «tranzitologii»: ran'she i teper' [Reflections on “transitology”: before and now], *Otechestvennye zapiski*, no. 6 (57), pp. 8–25. (In Russian)

Sil, R. and Katzenstein, P. (2010), *Beyond Paradigms: Analytic Eclecticism in the Study of World Politics*, Palgrave, New York, USA.

Sungurov, A.Yu. (1998), *Funktsii politicheskoi sistemy: ot zastoia k postperestroike* [The Functions of the Political System: from Stagnation to the Post-perestroika], SPb Tsentr «Strategiia» Publ., St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Tulchinskii G. L. (2014b), Sotsial'nye tekhnologii i znanie [Social Technologies and the Knowledge], *Filosofskie nauki*, no. 10, pp. 20–29. (In Russian)

Tulchinskii, G. (2001), Idei: istochniki, dinamika i logicheskoe sodержanie [Ideas: Issues, Dynamics and Logical Content], in *Istoriia idei kak metodologiya gumanitarnykh issledovaniy* [History of Ideas as Methodology of Humanitarian Studies], Tsentr istorii idei Publ., St. Petersburg, Russia, pp. 28–58. (In Russian)

Tulchinskii, G. (2013), Information wars as a conflict of interpretations: activating the 'third party', *Russian Journal of Communication*, vol. 5, no. 3, pp. 244–251.

Tulchinskii, G. L. (2014a), Politicheskie transformatsii v Rossii i sovremennaya politicheskaya nauka [Political Transformations in Russia and Contemporary Political Science], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 98 (6), pp. 95–112. (In Russian)

Tulchinskii, G. L. (2017), Ob"iasnenie v politicheskoi nauke: konstruktivizm vs pozitivizm [Explanation in political science: constructivism vs positivism], *Publichnaya politika*, no. 1, pp. 76–98. (In Russian)

Tulmin, St. (1978), Kontseptual'nye revoliutsii v nauke [Conceptual Revolutions in Science], *The structure and development of science* [Struktura i razvitie nauki], Progress Publ. Moscow, Russia, pp. 170–189. (In Russian)

Zamministra obrazovaniia Igor' Fedyukin: Mnogie rossiiskie dissertatsii ne vyderzhivaiut kritiki [Deputy Education Minister Igor Fedyukin: Many Russian dissertations do not stand up to criticism], available at: <http://www.snob.ru/selected/entry/56786> (accessed: 30.11.2018). (In Russian)

Received: December 9, 2018

Accepted: February 7, 2019

For citation: Tulchinskii G. L. Three narratives of political science: perspectives of interdisciplinary political studies. *Political Expertise: POLITEX*, 2019, vol. 15, no. 2, pp. 000–000. <https://doi.org/> (In Russian)